

ГЕОРГИЙ КИСЕЛЁВ

МОЛЮСЬ МИЛОСЕРДИЮ

НОЧНОЙ ПУТЬ

Луна хохотала полярной совой,
Выставив жёлтый глаз.
Ветер сбивался на волчий вой
И визгом кутёнка гас.

Нас трое. И каждый в дорогу влюблён,
В пенье полозьев нарт,
В синий аквариум — небосклон
И в мокрый по пояс март.

А псы волокут, как тягачи,
Со всех сорока ног.
Хочешь — кричи, хочешь — молчи,
Словно Господь Бог.

Просторна, как чум, каюра гортань,
Хозяйкою в ней — махра.
Он долго глазами ночь ковырял
И, видно, решил: пора!

КИСЕЛЕВ Георгий Иванович родился в 1939 г. на Вологодчине. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Поэт, критик, переводчик. Печатался в периодических изданиях Беларуси и России. Живет в г. Волковыск Гродненской области.

Прокашлялся, рыкнул и в наледь усов
Выдал такой звук,
Что иерархия всех басов
Померкла пред ним вдруг.

Хайлём¹ тебе, Гавриил Кихляп,
За песню длинней версты, —
С хрипа на дрожь, с горы на ухаб, —
Но душу встревожил ты!

И за то тебе, наш каюр, хайлём,
Что, словно курский мужик,
Спел, дорогою охмелён,
Как замерзал ямщик.

Волчьими сворами нас теснят
Перелески со всех сторон.
С нарт попрыгали, как десант,
И гору бегом берём.

А под гору снова брызжет остол²
Ракетой в десятки лун,
И кренится палубой белый простор,
Смыкая за нартой бурун.

Кедрач росомахой бежит вослед,
А с моря идёт пурга.
И в малахай³ курилки⁴ одет
Мыс большелобый Урга.

Пурга зашаманила — ну, каюк! —
Пыл у собачек скис.
Снег с лица отодрал каюр,
Словно посмертный гипс.

Тракторный путь — за увалом увал —
Нарту в крен кладёт.
Ах, что — катапульта! Я летал
Почище: башкой об лед!

Теперь успевай ноги беречь
От торосов, летящих сбочь,
Жалея задохшихся кобелей,
За нартой бежать в ночь.

Теперь ты сам — кладь, тюк.
За нарты, ремни, гужи
Хватайся, не чуя ни ног, ни рук,
И ни о чём не тужи!

Ах, что оставили мы вдалеке?
И куда нас псы волокут?
Там, под пологом, в уголке,
Спит мой друг Явелкут.

¹ Хайлём (коряжское, чукотское) — Спасибо.

² Остол — крепкая палка с металлическим наконечником для торможения нарт в пути во время крутых спусков.

³ Малахай — меховой шлем.

⁴ Курилка — юго-восточный ветер с Курильских островов.

Олешки одадь копытят наст,
Ягель дерут рывком.
Им даже ночью уйти не даст
Суматошный старик Коерков.

Войти бы в палатку, где, гостю рад,
Начнёт чаевать народ.
Но поздно, поздно уже назад,
Остаётся — только вперёд!

Глотай же бессонницы чёрный чай
Блюдцами красных глаз,
Покуда плещется через край
Поздняя зрелость в нас!

Пока не ушёл в траву и золу,
Покуда не жжёт под ребром, —
О, всю до капли выпей зарю
Синим от жажды ртом!

Кидай меня, тундра, словно медведь
В заливке ярого пса,
Чтоб оставалось лишь стервенеть,
Впиваясь в его мяса!

Дай, тундра, мне силу зверья,
Выносливость пастуха,
Кротость сопок, мудрость ружья
И элоэл¹ стиха!

Хайлём тебе, тундра, хайлём, хайлём
За дикий ночной бег,
За то, что покой ты с меня колом
Сбила, как с юрты снег!

Отвага сердец, плеч близь.
Скрип нарт и собачий визг.
Да здравствует жизнь и ещё раз жизнь
За то, что в ней есть риск!

ПОЕДИНОК

Вставай, вставай, ленивец!
Очнись, бочонок сна,
Покуда не вломилась
В твой дом беды волна!

Вставай, вставай, тетеря,
Довольно ты потел!
Ведь времени потеря
Страшнее всех потерь.

Вставай, вставай, горсть праха,
Возненавидь кровать, —
Вставай из чувства страха
Когда-нибудь не встать!

¹ Элоэл — длинный гибкий прут вроде удилица для того, чтобы погонять собачью упряжку; то же самое, что и хорей у ненцев.

Хранилище скелета,
Материи шепоть,
Вставай с душой поэта,
Преодолевшей плоть!

Вставай, живот двуногий,
Судьбу свою кляня!
Вставай, сосуд убогий
Священного огня!

Твой подвиг внеурочен,
Так — чёрт тебя возьми! —
Кради его у ночи,
У службы и семьи!

Ты из породы льдинок:
Хоть предрешён исход,
Со смертью поединок
Веди из года в год!

Ты сдашься только мёртвым!
Пусть плоть сгорит дотла,
А дальше мы посмотрим,
Посмотрим — чья взяла!

КРАЖА

Вновь одиночество ко мне
Вернулось по спирали.
Я помахал рукой жене —
“Чечилию” украли.

Она, духовный мой багаж,
Так украшала дерзко
Собой заборный вернисаж
По улице Советской.

Был взор загадочно лучист
И облик весь девичий,
Хоть я всего лишь копиист
Творения да Винчи.

Толпа сновала у ларька,
Торгуясь и горланя.
На всех смотрела свысока
Синьора Галлерани.

Нежна, возвышенно-чиста,
И под высокой грудью
К ней прижимался горноста́й,
Пугаясь многолюдья.

Кого взор кроткий поразил?
Да уж не Сатану ли?
Я отлучился в магазин,
И вот — её стянули.

— Прощай, Чечилия, прощай! —
Кричу вослед я с болью. —
— Ты год почти что невзначай
Была моей любовью!

Наедине с тобой одной,
Такой неотразимой,
Чай гонял я в мастерской,
Околевая в зиму.

Дымился в кружке кипяток
Вином в заздравной чаше.
Я пил дыхания парок
Из уст твоих сладчайших.

Что было с нами целый год —
Мы знаем только двое.
Да, я любил тебя, как тот,
Кто знал тебя живою!

Но что портрет твой украдут
И уведут налево,
Не знал, потратив пять минут
На кофе для согрева.

И неужель тебя на свет
Я выставил для вора?
Смекнул он сразу: твой портрет
Остался без надзора.

Никто из зрителей, галдя,
Не крикнул: “Стой, ворюга!” —
Когда он раму снял с гвоздя
И юркнул с ней за угол.

Ловкач из рода прощелыг,
Дворами убежал он,
Дыша в твой чистый, нежный лик
Похмельным перегаром.

Бежал он, пряча, этот тать,
Довольную ухмылку
И торопясь тебя продать
Соседям за бутылку.

Но, в чей-то дом войдя вдали,
Быть может, и к вандалу,
Ты его душу одари
Тоской по идеалу.

И пусть возвышенный твой вид,
Под стать Святому Духу,
Как отсвет счастья, оживит
Убогую житуху.

И мне вину мою простя,
Я верю: ты готова
Ещё с чистейшего холста
Мне улыбнуться снова!

* * *

Я тот, кто для сытых — сама голытьба,
Но всё ж на свободу свою не ропщу я.
Уж, видно, мне так повелела судьба,
Что вещи умерших ношу я.

В рубаху с чужого плеча облеку
Я плоть свою в ветер и стужу,
Как будто бы я на себе волоку
Чужую и грешную душу.

Ботинки и брюки ушедших мужей
За так отдают и обновы,
Всплакнув, как положено, жёнке моей
Подруги — недавние вдовы.

Ну что ж, я прекрасно обут и одет,
В тепло упаковано тельце.
И каждая вещь добавляет мне лет,
Не дожитых первым владельцем.

С того-то душа моя, видно, добра,
Что я облачён поимённо
В ботинки Ивана, в рубашку Петра,
В костюм и жилетку Семёна.

Я, может быть, должен по мысли Творца
За гранью седьмого десятка
Их судьбы продлить за порогом конца
Всей жизнью своей без остатка.

За всех не доживших мне надо дожить
В вещах, обездоленных рано.
Глядишь, дотяну я в обновлениях чужих
До славных седин Авраама.

* * *

Тот же, в сущности, острожник,
Я бреду во мгле дорог.
Неказистый подорожник —
Мой лазоревый цветок.

Как этапник и колодник,
Рад и лунному лучу,
Среди нищих и голодных
Кандалами дни влачу.

Словно и меня, растяпу,
Гнали пешком — и не злюсь! —
Из России по этапу
Поселенцем в Беларусь.

И в суме моей дорожной
До поры лежат, тихи,
Зарифмованы безбожно,
Мои старые грехи.

Мне бы сжечь их да рассеять
Над простором и судьбой
Да податься бы в Расею
По дороге столбовой!

Вот бы выкинуть коленце,
Да уже, хоть землю рой,
Дорог край мне, поселенцу
Ставший родиной второй!

И хотя России жаль мне,
Но и здесь, как близ Оки,
Те же в градах горожане,
В вёсках — те же мужики.

И берёз на косогоре
Тот же самый перепляс.
И дивуешься лазори
Неба, поля, встречных глаз...